

Леон Блуа

ПОЭМЫ В ПРОЗЕ

Леон Блуа
Поэмы в прозе

«Ад Маргинем Пресс»

1900-1901

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4

Блуа Л.

Поэмы в прозе / Л. Блуа — «Ад Маргинем Пресс», 1900-1901

ISBN 978-5-91103-734-5

Леон Блуа (1846–1917) — французский писатель и публицист «конца прекрасной эпохи», рубежа XIX и XX веков, — оставил обширное литературное наследие, состоящее из романов, повестей, полемических статей в прессе, нескольких томов дневников, а также миниатюр. Все его тексты соединяют в себе редкую стилистическую изысканность, причудливую протосюрреалистическую образность и пламенную католическую набожность, достойную средневекового мистика. В центре небольшого сборника поэм в прозе, виртуозно переведенных на русский язык Александром Черноглазовым, — своеобразный месяцеслов, двенадцать поэм-видений, сочиненных Блуа по мотивам календаря, оформленного в стиле ар-нуво его современником, гравером и дизайнером Эженом Грассе (1845–1917).

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-91103-734-5

© Блуа Л., 1900-1901
© Ад Маргинем Пресс, 1900-1901

Содержание

Плач меча	6
Двенадцать девушек Эжена Грассе	9
Январь	10
Февраль	12
Март	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леон Блуа

Поэмы в прозе

Léon Bloy

Poèmes en prose

Xylographies d'Eugène Grasset

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Пренепорочная Мария, моя Повелительница и Госпожа, прими смиренную молитву своего раба.

У меня нет ничего, кроме своих страданий, и вы знаете, как они велики...

Я приношу вам это единственное сокровище как букет скорбных цветов.

Будучи стар и, возможно, уже в преддверии смерти, я приношу его вам на коленях, с сердечным плачем, в беспросветной нужде, чтобы вы сжалились надо мной и моими близкими; и я заклинаю вас, о Мать Господа, умирающего на кресте, Семью Мечами вашего ужасающего Сострадания, вымолить для нас благодать стать святыми.

María Immaculata Conceptio, per septem Dolores tuos,

Adjuva nos.

16 октября 1901 года

Плач меча

Когда Дух Саваофа впервые заговорил обо мне, ему нужно было напомнить людям, что они видели меня пламенеющим на пороге потерянного Эдема.

Я был в тот далекий день пламенным лезвием в огненной руке Херувима, преграждавшим тропу к «Древу жизни».

Человеческая Семья, над которой так страшно насмеялся Господь, бежала сквозь тернии усеянного отныне проклятиями незнакомого мира под взглядами враждебных им теперь огромных зверей.

Ах, какими печальными Богами вы тогда были, как странно было видеть вас обездоленными! Вы испытывали предсмертные муки юности, и неискушенность в Мучениях ваших будущих Прародителей была сродни невыразимой усталости грядущих для Человечества последних веков.

В сумерках этого изгнания навряд ли было место мечте. Допотопные потоки и вершины выставляли свою грандиозность будто напоказ, а горные плато тщеславно кичились своею пышной растительностью.

Солнце навеки поблекло, и на творение навалилась всей тяжестью печаль Гордости.

Вы слишком много вспоминали о Рае и слишком много вспоминали обо мне.

И наконец однажды, много лет спустя после первого Человекоубийства, не знаю, каким образом содеянного, один ужасный мальчишка, потомок Человека с окровавленными руками, выковал блестящий предмет, который напоминал меня.

Поскольку Сад Наслаждений был лишь порождением зависти земнородных к Небу, и Херувиму надоело сохранять символ ограды того, по чему ни один изгнанник уже не испытывал ностальгии, я получил позволение воплотить свой блистающий образ и странствовать по Долинам Смерти как свидетельство Наказания и божественное напоминание об Экстазах.

* * *

И вот я обернулся Войной, а мое грозное имя стало повсюду знаменем Величия.

Я оказался возвышенным орудием провиденциального Кровопролития и, бессознательный избранник Судьбы, на века стал спутником человеческих чувств, способных ее подстегивать.

Гнев, Любовь, Воодушевление, Жадность, Фанатизм, Безумие – всем им я послужил инструментом столь безупречным, что история о многом предпочитает умалчивать.

В течение шести тысяч лет я опьянял себя по всему шару земному убийствами и резней.

Ни справедливости, ни жалости от меня не требовалось. Достаточно было, чтобы я безоговорочно следовал своему Призванию и ослеплял глаза смертных такими потоками слез, чтобы даже самые завзятые гордецы принялись на ощупь искать путь к небу.

Я умерщвлял стариков, которые были живыми обителями Страдания, отрезал сосцы женам, которые были подобны свету, пронзал младенцев, смотривших на меня глазами умирающих львов.

Каждый день я скакал галопом на бледном коне по ведущей «от утробы к могиле» аллее из кипарисов, обращая в кровавый фонтан любого сына человеческого, какой попадался мне на пути.

Лишь Иисуса я оставил нетронутым – я был слишком для него благороден. Мое величие не позволило бы ему принять смерть от моей руки.

Такая смерть хороша была для его Апостолов, его Мучеников, его Девственниц и их палачей, погибавших за ними вслед. Для Иисуса, этого агнца Бесчестья, я не годился.

* * *

Мне по праву есть чем гордиться – ведь я был некогда предметом пылкого поклонения. Поскольку всегда, несмотря на видимую несправедливость моих путей, я оставался вестником и служителем Господа Всевышнего, вы поняли, что я трудился во славу Бога, и пришел день, когда героический Запад придал мне священную форму того самого орудия казни, которому в деле Искупления передо мною отдали предпочтение.

Мир приходил тогда в исступление от моей красоты. Обо мне мечтали христианские юноши, меня лобызали христианские монархи на одре смерти, закованные в железо завоеватели преклоняли передо мною колена, и целые континенты были залиты кровью вдохновленных мною молитв.

Когда почитание Креста угасло, я снизошел до служенья тому, что Люди называли Честью, но даже в унижении этом во мне достало величия, чтобы положить однажды Европу под ноги единственного Господина, который заключил меня в дароносицу своего сердца.

Конечно, он не молился, этот Император Смерти, – это я окружал его вселенской молитвой Жертвы и Преданности, страшной красной молитвой, горланящей на человеческих боях.

Ах, далеки были эти дни от бывшего величия, но как, Бог свидетель, были они прекрасны! Кому об этом знать, как не мне, Мечу, которому предстоит в конце веков, по Писанию, истребить вселенную.

* * *

Но до тех пор я остаюсь униженным окружающей меня несказанной скверной. Потребовалось, после многих тысячелетий поклонения идолам, не меньше девятнадцати столетий христианства, чтобы меня окончательно проституировать, но сегодня это произошло безвозвратно – вот что приводит меня, бесстрастного убийцу, в отчаяние!

Ах, как часто приходилось мне переходить в руки палачей или лапы бандитов! Случалось мне попадать даже в святотатственные руки трусов, от которых я убегал прочь каждый раз, когда они слышали удар грома.

Вам невдомек, каким тяжелым грузом я ложусь на весы победителей, и вы не знаете, насколько легко я становлюсь, когда рукоять мою сжимает десница отцеубийцы или прелюбодя.

Ибо царство мое всецело от этого мира, я господин обширной империи Падших, и все виды искупления принадлежат мне. Люди недалёковидные могут поэтому, если нужно, взваливать всю вину на меня, ибо я и Преступление и Наказание вместе.

Но наш отхожий век, которого гнушается даже населяющая Бездну сволочь, столь отвратителен, что я не представляю себе, чем сможет Истребитель однажды омыть меня, чтобы сделать чистым от неслыханных мерзостей, которые ныне совершаются с моей помощью.

Я стал последней надеждой, шлюхой, дарованной судьбой дерущимся за меня сутенерам и околоцерковным писакам, чья гнусность даже Содому показалась бы нестерпимой!

Мало того, что эти подобию людей, эти карликовые Иудушки, эти плоды зловонного спаривания грязных и ядовитых стариков и старух окатывают друг друга дерьмом своих душ, они еще и вспарывают друг другу внутренности, пытаясь решить с моей помощью проблемы своего лупанария.

Они осмеливаются подставлять мне свои груди, эти выгребные ямы, очистить которые не под силу ни одному небесному золотарю, груди, в которых слышится грозное урчание их воинских доблестей.

В прежние времена, когда были еще существа, способные повелевать, эти люди наверняка разводили бы отличных свиней на обоссанных подстилках тех самых лесов, которые оскверняют они сегодня своими нечистоплотными склоками.

Они были бы счастливы искать себе пищу в тени дубовых деревьев, мечтая стащить у собак господина лишний кусочек, не угодив при этом под дубинку надсмотрщика.

Эти нечистые твари ведут себя нынче так, словно они сожительствоуют со славой, а стадо рыл, что они пасут, это, похоже, три четверти современного человечества, ставшего настолько безвольным, что выбрало себе таких пастырей.

Чудовищно злоупотребляя Словом, которое они смешали с дерьмом, эти недоношенные гермафродиты кликушествуют в собраниях и газетах, вымазывая друг друга своими экскрементами и сукровицей.

Французский петух не осмеливается больше петь свою песню, а три-четыре последних орла, упрямо остающиеся в живых, чтобы стать свидетелями близящегося потопа, не знают теперь, где сложить свои печальные крылья, уставшие поддерживать их на лету над этой выгребной ямой.

Так выстраиваются на наших глазах в вечерних или утренних сумерках, в тени унылой листвы ряды бледной падали – выстраиваются для смехотворных стычек, где дело идет – подумать только – о *чести!*

* * *

И я – ветхий клинок мучеников и боевых вождей – служу орудием в этой мерзкой возне!
Но берегитесь же, вы, ночные конюхи народной кобылы!

Я истребляю тех, кто меня касается, и сам воззову к себе, прося покарать моих осквернителей.

Мои жалобы таинственны и страшны. Первая пронзила небо и затопила землю; вторая, две тысячи лет спустя, пролила Ориноко человеческой крови, и вот теперь, когда настал черед третьей, я готов вернуть себе свой исконный образ. Я стану Мечом Пламенеющим, и люди узнают наконец, подыхая от ужаса, о каком мече *обращающемся* говорит Писание!..

Двенадцать девушек Эжена Грассе

Великому художнику Эжену Грассе¹

Кому посвятить эти поэмы, как не вам, их вдохновителю, мой дорогой друг? Пусть думают о них что хотят. С меня довольно, если они вам показались занятными хотя бы на час.

Вы замечательно поняли, что ваш Зодиак не мог мною быть осмыслен и истолкован иначе как в духе Календаря Святых, католического, апостольского, римского.

Что бы ни подало к тому повод, говорить с этим подлым миром на его языке для меня дело неслыханное, и я прошу вас с глупцами в объяснения не пускаться.

Ваши

Леон Блуа

Октябрь 1900 года

¹ Двенадцать ксилографий, которыми вдохновлен и сопровожден этот текст, были выполнены в 1896 году швейцарским художником Эженом Грассе и напечатаны хромолитографским способом в виде календаря для универмагов Парижа. – *Примеч. изд.*

Январь

Не мне ли ты роешь могилу, милосердная девушка? Поторопись, если так, ибо я мертв, как покойный год, провонял, как Лазарь, и мне не терпится возлечь на ложе святых в ожидании Воскресения.

Не бойся, ископай ее попросторней. Не забудь, что лягу я в ров со своею бедностью, а она у меня такая большая и вечно ворочается!

Местечко, прекрасная садовница, мне по вкусу. Особенно этот остролист с его твердою древесиной, хищной листвой и огненного цвета фруктами – он так похож на меня! Его иглы не станут потакать слезным стенаниям, надгробным речам и заверениям в вечной преданности, а его скудной тени довольно будет, чтобы охранять сон неблагодарного Нищего.

Конечно, ухаживать за могилами – твоя привилегия и твое служение. С тех пор как Мать рода человеческого, отроковица Божия, единым прикосновением своего перста заставила пасть на землю плоды райских деревьев, редкая женщина не выкапывает у себя в садике бездонную яму, чтобы похоронить там какого-нибудь бедолагу. А ты, дитя мое, предпочитаешь меня, не правда ли? Спроси, если хочешь, у любого хорька, и он скажет тебе, что никакая падаль не сравнится со мной, так что чем скорее ты меня закопаешь, тем лучше.

А вот и мутный кристалл фонтана, где застыли стеклянными сталактитами твои вздохи. Брожение моих гниющих внутренностей того и гляди растопит его. Не бойся, моя рыженькая, я не стану у тебя праздным гостем. Твои круглые лужайки ярче зазеленеют, и станет белее на фоне их песчаное покрытие твоих убогих дорожек. Зелень твоих бордюров удостоится на Вербное Воскресенье благословения в приходской церкви, куда забыли дорогу твои желтая косынка и рыжеватая юбка крестьянки, привыкшей работать и в день Господень. Печальная зонтичная сосна за чашей фонтана познает, наконец, славу кедров; твой бук с его бледной листвой, твой одичавший фруктовый сад, теплица, где растишь ты зябкие цветы, обреченные умереть от тоски на порочной груди наших дев, – все эти творения Божии, удрученные тем, что ты не приобщилась сегодня Тела нашего Господа, обретут в моем трупе целебное средство от своей меланхолии.

Да и ты, упрямо вгрызающаяся – по сей призрачный час – в иллюзорную почву, пресушественную гниющими в ней тьмочисленными телами живых изображений Господа, ты тоже воспрянешь в предчувствии своего сверхчеловеческого удела, когда догадаешься, закопав меня в мать-сыру землю, что у тебя под ногами, ногами маленькой самочки, лежит бедность – да, воистину сама Бедность, или, по меньшей мере, совершенный и, поверь мне, всецело божественный ее образ.

Не медли же, милый зверек, рой мне скорее яму! Теперь самая пора для этого. Полный овященных гостий, полный псалмов и покаяния, ликования и бесчестья, я прозябну для тебя вновь!

Февраль

Мне ненавистна страсть подрезывать бедняги деревья, беззащитные меланхоличные создания, которым так хотелось бы раскинуться широко во все стороны своими ветвями, ворваться через окна и двери в дома и опрокинуть, словно крепкой рукой, садовые стены, за которыми укрывается, подобно жабе, бесстыдный эгоизм садоводов.

Но кто думает о пленении, в котором прозябают эти узники человеческого обжорства! Палачи Христа, для которых ползать в нечистотах с гимнами на устах и питаться горькими корнями могильных цветов и то было бы незаслуженным счастьем, придумали способ калечить эти не знающие уродства создания, принуждая их наполнять своим соком плоды столь сладкие, что самый аромат их смертелен.

Удивительные образы мучеников, которым отсекали члены на устроенных для них бойнях, чтобы они усладили Церковь вкусом своих страданий! Разве не видим мы, как скручиваются эти несчастные, словно в судорогах, как ссыхается и кровоточит их плоть под мертвой корой, какое жалкое зрелище являют их бесформенные обрубки?

Думается, что некогда, до грехопадения человека – немало веков миновало с тех пор, – деревья делали что хотели, заботливо сопровождали невинную Пару, чтобы уберечь ее от усталости под сенью своей листвы. Позднее несколько величавых слепцов, вырвавших себе глаза, чтобы бросить их на дно Райской бездны, отчетливо видели, как деревья всех пород и времен сбегаются с краев земли – мимо умников, полагающих, что направляются туда сами, – к единственной и чудесной Горе: «Не я ли, Господи, – вопрошали они тогда, – не я ли?»

А вот и она, милашка, словно созданная, чтобы обкорнать этого холостяка, эту безутешную грушу, чей жуткий остов наполняет мои уста горечью. Похоже, наша февральская девушка не жалуется на жизнь, и отражение секатора в ее полном внимания взоре вполне удовлетворяет, я полагаю, инстинктам ее созерцательной жизни.

Пусть она, впрочем, будет поосторожнее. Страшно ведь находиться в закрытом саду, куда не вправе войти ни один бедняк. Меня берет дрожь при мысли, как бы острая ветка, которую она собирается срезать, не устремилась ей в глаз и не проникла до самого мозга, крохотного мозга, куда мыслям о небе, этим нищенкам-попрошайкам, вход был, разумеется, навсегда заказан.

Ведь о любом дереве нам известно не больше, чем о каждом из наших ближних. Есть дерево, наделенное бессмертием, чья история у всех на устах, но могучий Херувим сокрыл его так надежно, что лишь Богу известно, где можно его найти. И страшно бывает зрелище женщины, поднявшей руку на дерево, ибо где он, тот ангел тьмы, что осмелится утверждать, будто дерево это, как бы жалко оно на вид ни было, не окажется тем, что нарекли Древом познания Добра и Зла – тем самым, вокруг которого обвился некогда древний Змий?

Март

На колени, девушка, на колени – если ты еще способна понять, что творишь! Преклонить лишь одно колено тут будет мало. Послушай, что я скажу тебе: когда мы сеем что-то, Бог всегда рядом – вот Он! Пойми меня правильно: что-то – значит неважно что.

Предположим – я готов допустить это, – что зерна твои куплены в лавке демонов и что сеешь ты Чуму, Голод, Зablуждение, Разрушение, Ужас, – это не имеет значения, и тебе тем более достоин преклонить колена, ибо Бог, повторяю, проходит рядом с тобой.

Апостол, которого изображают с мечом в руке, апостол, хвалившийся искусством сеять, написал однажды прелюбодеям-грекам, что сеять можно лишь тремя способами: в тлении, в бесчестии, в немощи. Вот почему подобает сеятелю стоять на коленях. Один Господь способен оплодотворять жизнь и смерть: ты сеешь перед Его лицом, и Он взирает на тебя в грозном молчании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.